

Друг Пушкина в «Отцах и детях»

Р. Г. Назиров

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» никогда не перестанет возбуждать интерес всех любителей русской классики — и не только в идейно-художественной плане, но и в плане его творческой истории. За сто с лишним лет роман оброс огромной критической литературой, в которой главное место занимает мощная фигура Евгения Базарова. В ней пытались угадать черты различных прототипов, действительно живших русских людей конца 50-х годов прошлого века. Споры о прототипах Базарова, не приведя нас к какому-то однозначному решению, тем не менее оказались весьма полезны: они способствовали изучению творческого процесса Тургенева, уяснению связей его искусства с исторической действительностью, вскрытию «многосоставного» происхождения важнейших характеров его романов.

Но почему только Базаров? Современники Тургенева спорили, бывают или не бывают такие нигилисты. Для нас этот вопрос отпал: мы знаем, что Базаров — отнюдь не карикатура. Большой интерес представляет само характеросложение Тургенева. При его способе типизации можно предполагать прототипичность в отношении всех его главных героев. И с этой точки зрения чрезвычайно интересно второе по значению лицо романа «Отцы и дети» — антагонист главного героя, Павел Петрович Кирсанов.

Мы предлагаем вниманию читателя некоторые новые соображения относительно возможного прототипа этого персонажа.

Исходным пунктом для нашей гипотезы явилось чтение мемуаров А. И. Дельвига «Полвека русской жизни». Племянник поэта, путейский генерал Дельвиг вспоминает между прочим: «Жизнь в деревне у Боратынских была устроена на английский манер, вероятно, в подражание их соседу Кривцову, большому англomanу, человеку очень умному, но взбалмошному до неистовства, так что в бытность его губернатором советники губернского правления решились составить журнал, которым его самовольно отставили от должности. Вслед за тем он действительно был уволен от службы и жил в своем Кирсановском имении, устроенном по английскому образцу»¹. Далее мемуарист вспоминает об упрямстве Кривцова, о сделанной ему в Англии деревянной ноге, которая хорошо заменила Кривцову ногу, потерянную «в Бородинском, помнится, сражении». Тут А. И. Дельвиг ошибся: при Бородине Кривцов был ранен,

¹ Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания, т. 1, Academia, 1930, с. 228.

а ноги лишился под Кульмом.

Эта страница мемуаров вызывает ряд ассоциаций. Англоман Кривцов, умный и взбалмошный человек — ведь это друг молодого Пушкина, вольнодумец и щеголь Николай Иванович Кривцов, родной брат декабриста Сергея Кривцова. Отец их имел до 2000 душ, богатый помещик Орловской губернии, родственник кирасирского офицера Сергея Николаевича Тургенева, которому жена принесла в приданое Спасское-Лутовиново: с этим знаменитым имением непосредственно граничили земли Ивана Кривцова. Соседи и родственники, Кривцовы и Тургеневы были связаны дружбой.

В процитированном фрагменте мемуаров внимание задерживается на словах: «в своем Кирсановском имении, устроенном по английскому образцу». Город Кирсанов — ныне районный центр Тамбовской области. Мы к этому географическому названию еще вернемся.

Мысль невольно возвращается к тургеневскому персонажу — англоману Кирсанову. Не была ли эта фамилия избрана Тургеневым как тайная примета прототипа? Не имеет ли она сигнализирующего значения? Или это простое совпадение?

Несколько общих замечаний: для писателей-реалистов характерен один ономастический принцип, которому обычно не уделяется внимания (так, о нем нет ни слова в статье «Ономастика поэтическая» в 5-м томе КЛЭ): это сохранение звуковой близости вымышленного имени персонажа с именем или фамилией реального прототипа, когда эта связь по тем или иным причинам важна для писателя. Так, Пушкину хотелось подчеркнуть документальность сюжета «Дубровского»: для этого он не только ввел в роман подлинное судебное постановление, но и сохранил сходство фамилии героя — «Дубровский» — с фамилией прототипа, белорусского дворянина Островского. Тут не только звуковая, но и семантическая близость: во многих русских говорах «остров» примерно то же самое, что и «дуброва». Фамилия Швабрина в «Капитанской дочке» сохранила звуковое родство с фамилией прототипа — офицера Шванвича, служившего Пугачеву. Лермонтовский доктор Вернер носит фамилию, которая для русского слуха звучит весьма сходно с фамилией известного доктора Майера, друга сосланных на Кавказ декабристов и самого Лермонтова. Наконец, у Тургенева фамилия Чертопханова сохранила корень фамилии прототипа — помещика Чертова, а фамилия Губарева в романе «Дым» пренеприятно рифмуется с фамилией Н. П. Огарева, которого романист изобразил весьма пристрастно в этом персонаже. Этот принцип фонетического (и реже — семантического) подобия фамилий отмечал в своих работах специалист в области поэтической ономастики М. С. Альтман.

К этому принципу, по нашему мнению, близка иная — географическая — сигнализация о связи имени вымышленного героя с именем прототипа. Вообще «географические» фамилии были чрезвычайно популяр-

ны в русской классической прозе (Минский, Ржевский, Томский, Ленский, Онегин, Печорин, Лугин, наконец, Бетси Тверская), но эта «география» не направлена на подсказку прототипов. Зато прямо навеевна конкретной обстановкой и, может быть, реальным прототипом фамилия пушкинского стационарно зрителя Самсона Вырина: она произведена от названия почтовой станции Выра — третьей от Петербурга на запад, через которую многократно проезжал Пушкин (ныне в деревне Выра открыт специальный музей — «Домик стационарного зрителя»)². Не вдаваясь в рассуждения о вероятности более или менее фактического воспроизведения в повести «Стационарный зритель» точных лиц и обстоятельств, отметим лишь несомненность самой связи имени Вырина со станцией Выра. Это ужже не просто «географическое благозвучие», а некий (для нас неопределенный) сигнал.

Подобным сигналом, сложной географической зашифровкой прототипа может оказаться и фамилия «Кирсанов» в романе Тургенева.

Присмотримся повнимательнее к фигуре Н. И. Кривцова.³ Он родился в 1791 году, получил домашнее образование, видимо, довольно небрежное. В возрасте 16 лет был привезён в Петербург своим родственником Сергеем Николаевичем Тургеневым (отцом писателя) и 1 сентября 1807 зачислен в лейб-гвардии Егерский полк. Большого роста, атлетического сложения, черноволосый, с высоким лбом, он отличался «скромным до излишества поведением», которое его товарищи объясняли его гордостью, трудолюбием и страстью к аристократическому обществу. Последнее существенно: род Кривцовых не знатен. Их предок Иван Кривцов — один из зодчих, строивших Успенский собор в Москве (1471). Родоначальником же собственно дворян Кривцовых был городской дворянин Осип Кривцов из Болхова (начало XVII века). В роду не было крупных исторических деятелей. Аристократизм Николая Кривцова в этом свете приобретает особое значение.

В Бородинской битве Н. И. Кривцов (ему было 20 лет) ранен, взят в плен, оставлен французами при эвакуации Москвы и вернулся в строй. При Кульме французское ядро оторвало ему ногу, что положило конец его военной карьере. В госпитале Кривцов лежал рядом с умирающим Моро; посещая последнего, император Александр обратил внимание на Кривцова.

После взятия Парижа молодой инвалид жил в одном доме с Лагарпом, который очень полюбил его и рекомендовал своему венценосному питомцу. Царь произвел Кривцова в подполковники и прикомандировал к своей свите. По заключении мира Кривцов остался в Париже при

² Н. Грановская. Домик стационарного зрителя. «Литературная газета» от 18 октября 1972.

³ О Н. И. Кривцове писали Гаевский («Вестник Европы», 1877, № 12), Борис Чичерин («Русский архив», 1890, 1) и Гершензон («Декабрист Кривцов и его братья», М., 1914. На Гершензона опирался и Вересаев («Спутники Пушкина»).

русском посольстве: слушал лекции видных ученых, посещал музеи, познакомился с Шатобрианом, Талейраном, Контом, путешествовал по Европе и приобщился к либеральным идеям. В 1817 г. он вернулся в Петербург вольнодумцем. Еще до этого через Лагарпа им была подана царю записка о ланкастерском обучении.

Благодаря английскому протезу хромота его стала почти незаметна, он мог даже танцевать. У Карамзиных и Тургенев он познакомился и подружился с Пушкиным, только что вышедшим из Лицея. В декабре 1817 г. свое послание «Кривцову» поэт уже начинает обращением: «Не пугай нас, милый друг. . . »

Император оказывает Кривцову «большое внимание»: вскоре он сделан камергером, определен в ведомство Министерства иностранных дел и 1 января 1818 г. причислен к русскому посольству в Лондоне. Выехал Кривцов не сразу. Когда он уезжал, больной Пушкин послал ему в подарок на дорогу «Девственницу» Вольтера с известным стихотворением «Когда сожмешь ты снова руку. . . » (автограф датирован 2 марта). Здесь Пушкин называет Кривцова «эпикурейцем»; видимо, это был несколько мрачный эпикуреец, поскольку в первом послании говорилось: «Не пугай нас, милый друг, // Гроба близким новосельем. . . »

Александр Тургенев пишет князю Вяземскому: «Кривцов не перестает развращать Пушкина и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии». В Лондоне Кривцов сблизился с Блудовым, но зато не поладил с самим послом — Ливеном. Сохранился черновик одного письма Пушкина своему другу в Лондон (лето 1819 г., в Михайловском).

В 1821 г. вследствие своих неладов с Ливеном Кривцов был отозван. В том же году он женился на Екатерине Федоровне Вадковской, внучке известного И. Г. Чернышева. Царь по этому поводу осыпал Кривцова неслыханными милостями: дом для житья в Царском Селе, губернаторское место на выбор и беспроцентный заем в 100 тысяч рублей на 10 лет (чисто номинальный долг). Брак Кривцова не мог быть счастливым по причине его «сократических» наклонностей.

5 октября 1823 г. в чине статского советника он был назначен губернатором в Тулу. Осенью 1823 г. ссыльный Пушкин пишет в Тулу короткое письмо, начинающееся словами: «Милый мой Кривцов, помнишь Пушкина?» Далее такая фраза: «Правда ли, что ты стал аристократом? — Это дело. Но не забывай демократических друзей 1818 года». Кривцов к этому времени, действительно «уже вышел из полка либералистов», как писал о нем Карамзин, с которым Кривцов поддерживал переписку, равно как и с Жуковским. Из Англии бывший вольнодумец вернулся поклонником английских порядков. Губернатором он был очень необычным. «Образованный человек, вольтерьянец и эпикуреец — с честными правилами на службе» (характеристика Анненкова), он сочетал любовь к английской законности с азиатским деспотизмом. Когда он *высек* почтмейстера, не дававшего ему лошадей, приготовлен-

ных для царя, его перевели губернатором в Воронеж (февраль 1824). Здесь Кривцов прославился борьбой с продажными чиновниками: уличив во взятках губернского секретаря, он *ударил* его в присутственном месте. По общему согласию губернских воров был составлен «журнал» об этой истории. Кажется, Кривцов разорвал этот «журнал» (отзвук этого скандала — в мемуарах А. И. Дельвига). В Петербург пошел донос о «припадках умопомрачения» у губернатора. Николай Павлович перевел Кривцова губернатором в Нижний Новгород (12 сентября 1826 г.).

В Нижнем он *избил* исправника, подвергал жестоким побоям ямщиков и сельских старост при проезде из Нижнего в тамбовское имение жены. Опять начались доносы и расследования. Царь вспомнил, что в деле 14 декабря был замешан брат буйного губернатора Сергей Кривцов (декабрист 7-го разряда) и Федор Федорович Вадковский (брат Е. Ф. Кривцовой). 3 апреля 1827 года Кривцов был причислен к департаменту герольдии. Естественно, он тут же подал в отставку, что от него и требовалось. Николай приказал взыскать с него 100 тысяч долгу; имение Кривцова было продано за казенное взыскание с торгов, он был разорен и поселился в имении жены — деревня Любичи Кирсановского уезда, Тамбовской губернии (на границе Саратовской).

Этот крутой хозяин сразу вызывал бунт своих мужиков; потом были неурожаи. Несмотря на это, Кривцов привел имение в образцовый порядок. Он устроил усадьбу в английском вкусе, с удобным и изящным домом, прекрасным парком, с каменной готической башней. В трех верстах от Любичей находился Умет — гнездо Чичериных, а в 15 верстах — Мара, имение Баратынских. Между этими тремя поместьями поддерживались постоянные сношения, соседи обменивались книгами и новостями. Кривцов занял среди помещиком первенствующее положение: соседи приезжали к нему за советами, местные власти — на поклон.

10 февраля 1831 г. Пушкин шлет Кривцову «Бориса Годунова» с известным письмом. «Что ты делаешь в своем уединении? Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобою увидаться и поболтать о старине — карантинны мне помешали». Далее следует часто цитируемое «оправдание в женитьбе»: поэт помнил, что Кривцов — принципиальный противник брака. Откровенность и серьезность письма говорит о неизменном уважении Пушкина к Кривцову.

А тот прочно засел в кирсановском имении, играя роль опального лорда. Из комнат барского дома было прорублено окно в сени, через которое староста ежедневно делал доклады барину и получал распоряжения. На свои ковры Кривцов мужиков не пускал. Он тешил свое тщеславие выдуманным аристократизмом, сочинял к своему гербу латинские девизы, ни разу не утвержденные герольдией. Умер он в 1843 г.; среди его бумаг нашли проекты освобождения крестьян.

За три года до этого, в январе 1840 г., из русских снегов в Италию отправились в одной кибитке молодой И. С. Тургенев и его дальний

родственник Павел Иванович Кривцов, 35-летний дипломат, младший из братьев Кривцовых. Они были попутчиками до самой Вены: им хватило времени поговорить о родных и близких. Молодой Тургенев сохранял «фамильную» дружбу с Кривцовыми.

Могли они говорить и об «опальном» Кривцове — друге Пушкина. Иван Сергеевич лично знал его. Зимой 1832 и весь 1833 год Тургеневы провели в Москве, где юноши готовились к поступлению на службу и в высшие учебные заведения. У Сергея Николаевича Тургенева сохранились прекрасные связи, его дом на Арбате чуть не каждый день посещал романист Загоскин. Как сообщает современный исследователь Н. Чернов, «в доме С. Н. Тургенева изредка появлялся еще один человек из пушкинского окружения — Н. И. Кривцов»⁴. Николаю Кривцову в это время 41–42 года, Ивану Тургеневу — 14–15 лет.

Теперь обратимся к роману «Отцы и дети» — к Павлу Петровичу Кирсанову.

«... В это мгновение вошел в гостиную человек среднего роста, одетый в темный английский *сьют*, модный низенький галстук и лаковые полусапожки, Павел Петрович Кирсанов. На вид ему было лет сорок пять...» Далее описывается его внешность со следами «красоты замечательной». Постоянно подчеркивается английский вкус в его одежде. В известной «форгешихте» этого персонажа рассказывается: «Павел Петрович Кирсанов воспитывался сперва дома /.../, потом в пажеском корпусе. Он с детства отличался замечательною красотою; к тому же он был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно желчен — он не мог не нравиться». Говорится о светских успехах Кирсанова, победах над женщинами, об ожидавшей его блестящей карьере и романтической истории с княгиней Р., опрокинувшей жизнь этого светского льва.

Этот эпизод (любовь к загадочной женщине) не имеет никакого отношения к Н. И. Кривцову. Однако блестящая молодость Кривцова и его оригинальный характер в известной мере совпадают с характеристикой молодого Кирсанова в «Отцах и детях».

Еще заметнее такое совпадение при изображении Павла Петровича, стареющего в деревенском уединении. «Он стал читать, все больше по-английски; он вообще всю жизнь свою устроил на английский вкус, редко виделся с соседями и выезжал только на выборы, где он большей частью помалкивал, лишь изредка дразня и пугая помещиков старого покроя либеральными выходками и не сближаясь с представителями нового поколения. И те и другие считали его гордецом; и те и другие его уважали за его отличные, аристократические манеры, за слухи о его победах /.../; за то, что он вообще хорошо обедал, а однажды даже пообедал с Веллингтоном у Луи-Филиппа...» Это весьма близко к под-

⁴ Чернов Н. Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // Вопросы литературы, 1973, № 9, с. 226.

линной жизни Кривцова в его кирсановском имении после отставки.

«Дамы находили его очаровательным меланхоликом, но он не знался с дамами».

Аркадий Кирсанов говорит о своем дяде:

«- Но он всякому рад помочь и, между прочим, всегда вступает за крестьян; правда, говоря с ними, он морщится и нюхает одеколон». Как не вспомнить аристократическую брезгливость Кривцова, который даже со старостой говорил через специальное окошко, но составлял проекты освобождения крестьян.

П. А. Вяземский говорил о Кривцове: «Он не был человеком ни увлечения, ни утопии. Был он более человеком рассудка, разбора, анализа. Можно было признать в нем некоторую холодность, некоторый скептицизм. Не знаю, был ли он способен к дружбе в полном значении этого слова, но он питал чувство искренней приязни и уважения к некоторым исключительным лицам и остался им верен до конца».

Тургенев пишет о Кирсанове: «Он не был рожден романтиком, и не умела мечтать его щегольки-сухая и страстная, на французский лад мизантропическая душа. . . » Эти характеристики — исторического лица и литературного героя — очень сходны.

Но ведь характер Павла Петровича во многом и отличен от реального прототипа. Кривцов был, несомненно, и крупнее, и оригинальнее, и намного культурнее, чем Павел Петрович. В том-то и дело, что Тургенев не писал простых портретов. Его Кирсанова можно понять, как некое снижение прототипа. Ни в коем случае не карикатура, но как бы пародия на реального человека, на Кривцова.

Кривцов держался в курсе русской словесности и получал новинки от самого Пушкина — Кирсанов читает только «Вестник Галиньяни» (парижскую либеральную газету). Кривцову французское ядро оторвало ногу при Кульме — Павлу Петровичу на глупой дуэли Базаров прострелил ляжку, отчего раненый на минуту потерял сознание. Кирсанов с его претензиями выглядит «живой пародией» на прошлое своего класса, на исторических Кривцовых — участника Бородинской битвы и декабриста. Тургенев вовсе не осмеивает *тех* дворян и *ту* героическую эпоху. Но в 1862 году аристократы стали пародией на самих себя, на свое прошлое. Вспомним авторское пояснение: «Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса». Не против всех дворян вообще, не против дворянства в его историческом прошлом, а против дворянства как «передового класса», т. е. против его анахроничных претензий.

В таких дворянах, как Лаврецкий или Литвиной, ничего пародийного нет: эти люди сознают свое скромное место в настоящем.

Зато претензии Павла Петровича, его уверенность в своем значении и в ценности своего класса в изображаемый Тургеневым момент (1859 год) делают его смешным, что писатель показывает с деликатной иронией, как если бы память родства и семейной дружбы Кривцовых и Тур-

геновых еще витала над романистом.

Позволительно предположить, что для создания этого характера Тургенев использовал некоторые черты и биографические данные своего родственника Н. И. Кривцова — в снижающем и скрытно-пародийном преломлении. Это не может нас удивить: изобразил же он своих родителей в «Первой любви» и в «Муму».

Англоман Кривцов, желчный человек с большими воспоминаниями, убежденный и последовательный аристократ, оказался в окружении Тургенева самым подходящим антагонистом для молодого демократа Базарова.

Возможно, что откликом колоритной фигуры Н. И. Кривцова оказалось и еще одно место в «Отцах и детях» — характеристика губернатора. «Город NNN, куда отправились наши приятели, состоял в ведении губернатора из молодых, прогрессиста и деспота, как это сплошь да рядом случается на Руси. Он, в течение первого года своего управления, успел перессориться не только с губернским предводителем /.../, но и с собственными чиновниками. Возникшие по этому поводу распри приняли, наконец, такие размеры, что министерство в Петербурге нашло необходимым послать доверенное лицо с поручением разобрать все на месте». Эта характеристика опять вызывает ассоциации с Кривцовым, который стал тульским губернатором в 32 года, правил в прогрессивно-деспотическом духе и за три с половиной года сменил три губернии. Если эта догадка верна, то Тургенев, можно сказать, «расщепил» личность Н. И. Кривцова при ее использовании для романа «Отцы и дети».

Некоторыми чертами Кривцова писатель наделил также Лаврецкого, отца главного героя в романе «Дворянское гнездо», но этот вопрос заслуживает особого рассмотрения.